

Первый опытъ „Введенія въ Свящ. Писаніе“.

„Введеніе въ Свящ. Писаніе“ въ своемъ настоящемъ видѣ есть произведеніе сравнительно недавняго времени. Отцомъ этой науки на Западѣ принято считать Ричарда Симона, ученаго ораторіанца XVIII-го вѣка. Однако тѣ элементы, изъ которыхъ слагается въ настоящее время „введеніе“, можно находить уже въ сочиненіяхъ церковныхъ учителей первыхъ вѣковъ. Въ этихъ сочиненіяхъ мы имѣемъ отдѣльныя замѣчанія, а иногда и болѣе или менѣе пространныя разсужденія по вопросамъ о канонѣ священныхъ книгъ, объ ихъ текстѣ и толкованіи. Въ древне-церковной письменности, кромѣ того, существовали уже и своды этихъ замѣчаній,—опыты систематическихъ руководствъ къ чтенію и изученію Библии. Первый опытъ въ такомъ родѣ, посвящій принятое въ настоящее время названіе „введенія“, былъ составленъ монахомъ Адріаномъ и имѣетъ заглавіе: εἰσαγωγή εἰς τὰς θείας γραφάς, „введеніе въ божественныя писанія“.

Монахъ Адріанъ принадлежитъ къ числу тѣхъ древне-церковныхъ писателей, о которыхъ до нашего времени сохранилось весьма мало свѣдѣній. Существуютъ недоумѣнія даже относительно самаго имени его. Такъ, ученый Альфонсъ Чіакони въ своей „Библіотекѣ“ называетъ его *Андроникомъ* или Адріаномъ ¹⁾ и сообщаетъ, что онъ принадлежалъ къ

---

¹⁾ „Andronicus sive Hadrianus, ex genere Comneni, imperatoris Constantinopolis, ad divinae scripturae lectionem Isagogen scripsit“. A. *Ciacconius*, Bibl. libr. et scriptores ab initio, p. 162.

царскому роду Компеновъ. Андроникомъ же называетъ автора εἰσαγωγῇ и Туррианъ ¹⁾). А въ одной изъ рукописей, которыми пользовался Лоллинъ, сдѣлавшій латинскій переводъ „введенія“, авторъ сочиненія называется Африканомъ. Однако можно признать несомнѣннымъ, что эти мнѣнія основаны на недоразумѣніяхъ. Въ „Библіотекѣ“ Фотія авторъ разсчитываемаго „введенія“ называется Адрианомъ ²⁾). Всѣ рукописи, которыми пользовался Гесслингъ ³⁾)—послѣдній издатель εἰσαγωγῇ—надписаны также именемъ Адріана, и, очевидно, въ упомянутой выше рукописи Лоллина имя Африкана возникло путемъ ошибки изъ сходнаго съ нимъ по начертанію имени Адріана.

Обстоятельства жизни Адріана намъ неизвѣсны. Предполагаютъ только на основаніи близости „введенія“ къ трудамъ бл. Θεодорита и Θεодора Мопсуестскаго, что Адрианъ былъ сиріецъ, говорившій по-гречески. По своему званію онъ былъ монахъ и пресвитеръ. Это можно заключать, съ одной стороны, изъ надписанія, которое имѣетъ „введеніе“ во всѣхъ рукописяхъ, съ другой стороны—изъ писемъ св. Нила. Между этими письмами есть три, которыя адресованы къ какому-то Адриану, называемому монахомъ и пресвитеромъ ⁴⁾). Такъ-какъ Адрианъ, авторъ „введенія“, былъ, надо полагать, современникомъ Нила и такъ-какъ въ одномъ изъ указанныхъ писемъ Нила монахъ Адрианъ похваляется за усердіе къ Свящ. Писанію, то не безъ основанія можно отождествить адресата писемъ и автора разсматриваемаго нами „введенія“.

Время жизни монаха Адріана изслѣдователями опредѣляется различно. Селъе относитъ цвѣтущій періодъ жизни

---

¹⁾ *Fabricius*, *Biblioth. gr.* t. X, p. 687.

²⁾ *Biblioth. cod.* 2, p. 2 Bekk.

³⁾ *Gössling*, *Adrians εἰσαγωγῇ*—aus neu aufgefundenen Handschriften herausg., übersetzt und erläutert. Berlin. 1887. S. 9—10. Трудомъ Гесслинга мы и пользуемся въ настоящей статьѣ.

⁴⁾ *Migne*, *Patr. gr.* t. 79 lib. II, epist. 60, lib. III, ep. 118 и 266.

Адріана къ 553 году, Каве—къ 433-му, а Креднеръ считаетъ Адріана современникомъ бл. Августина ¹⁾). Первое упоминаніе объ Адріанѣ мы имѣемъ у Кассіодора ²⁾), умершаго въ 575 г. Въ своемъ перечисленіи экзегетовъ, труды которыхъ могутъ быть руководствомъ при чтеніи Свящ. Писанія, Кассіодоръ поставляетъ Адріана послѣ Тихонія и Августина, но прежде Евхерія Ліонскаго и Юнилія. Повидимому, перечисленіе дѣлается у Кассіодора въ хронологическомъ порядкѣ. Поэтому можно думать, что годъ смерти Адріана падаетъ на время между 430-мъ г. и 452-мъ, а цвѣтущее время приходится, какъ полагаетъ Гесслингъ, на 425 годъ.

Введеніе Адріана въ древности, какъ видно, пользовалось значительнымъ уваженіемъ. Такъ, Кассіодоръ, какъ замѣчено выше, ставитъ трудъ Адріана на ряду съ замѣчательными герменевтическими трудами Тихонія, Августина и Евхерія. Въ „Библіотекѣ“ Фотія „введеніе“ Адріана признается книгой, „полезной для тѣхъ, кого нужно ввести въ изученіе Писанія“ ³⁾). Изъ позднѣйшихъ писателей Флюгге и Лютцъ ⁴⁾), отмѣчая слабыя стороны руководства Адріана, тѣмъ не менѣе также признаютъ его не бесполезнымъ и имѣющимъ значеніе для экзегетики. Новѣйшій ученый Адальбертъ Мерксъ ставитъ даже руководство Адріана выше всѣхъ трудовъ подобнаго рода, оставленныхъ древностью ⁵⁾).

Естественно, поэтому, предположить, что „введеніе“ Адріана въ древности часто переписывалось и было распространено во многихъ рукописяхъ. До настоящаго времени, впрочемъ, рукописей введенія сохранилось немного, и послѣ

¹⁾ *Goessling*, S. 12.

²⁾ *Migne*, Patr. lat. t. 70 c. X.

³⁾ Ἀνεγνώσθη ἀδριανοῦ εἰσαγωγὴ τῆς γραφῆς χρήσιμος τοῖς εἰσαγομένοις ἢ βιβλος.

⁴⁾ *Lutz*, Bibl. Hermeneutik, 1849. S. 20.

⁵⁾ *Merx*, Rede vom Auslegen, besonders A. T. Halle. 1879. p. 64.

тщательныхъ изысканій Гесслингъ нашелъ ихъ только *восемь*. Кромѣ того, существуетъ еще переводной латинскій текстъ введенія, въ основѣ котораго лежатъ двѣ редакціи греческаго текста. По изслѣдованію Гесслинга, всѣ рукописи введенія Адріана имѣютъ значительные недостатки,—именно глоссы, пропуски и орфографическія погрѣшности.

Что касается печатныхъ изданій разсматриваемаго введенія, то ихъ существуетъ нѣсколько. Впервые введеніе Адріана было издано въ 1602 г. въ Аугсбургѣ ученымъ филологомъ Хешелемъ (Hoeschelius). Къ тексту введенія, при этомъ, были сдѣланы нѣкоторыя пояснительныя примѣчанія, и кромѣ того указаны въ нѣкоторыхъ случаяхъ цитаты приводимыхъ Адріаномъ библейскихъ мѣстъ. Текстъ введенія былъ изданъ Хешелемъ только по двумъ рукописямъ и не вполне исправно. Этотъ текстъ потомъ былъ перепечатанъ въ 1660 г. Пирсономъ въ VIII-мъ томѣ *Critici Sacri* (London 1660) и затѣмъ перепечатывался при повторявшихся въ Амстердамѣ и Франкфуртѣ изданіяхъ названнаго труда. Греческій текстъ Хешеля безъ всякихъ существенныхъ измѣненій помѣщенъ и въ патрологіи Миня¹⁾. Последнее по времени и лучшее изданіе текста введенія—есть изданіе Гесслинга. Оно основано на критическомъ изученіи всѣхъ существующихъ рукописей введенія; въ многочисленныхъ примѣчаніяхъ къ тексту указаны Гесслингомъ варианты, библейскіе цитаты, а иногда сдѣланы поясненія. Изданіе, кромѣ того, сопровождается пролегоменами, въ которыхъ трудъ Адріана изслѣдуется съ разныхъ сторонъ.

Кромѣ греческаго текста введенія существуютъ и переводы его. Изъ нихъ особенно важенъ латинскій переводъ еп. Поллина, изданный въ 1630 г., такъ-какъ въ основѣ этого перевода лежатъ неизвѣстныя теперь греческія рукописи. Другой латинскій переводъ „введенія“ помѣщается въ изданіи

¹⁾ Patr. gr. t. 98, col. 1273—1312.

Миня; но этотъ переводъ весьма неудовлетворителенъ, какъ вслѣдствіе неисправности положеннаго въ основу его текста, такъ и вслѣдствіе несовершенства самаго перевода. Наконецъ, въ изданіи Гесслинга имѣется нѣмецкій переводъ „введенія“ — переводъ довольно свободный, но въ общемъ правильный и точно передающій мысль подлинника.

По своему содержанію введеніе Адріана распадается на три части; кромѣ того, оно имѣетъ краткое предисловіе и довольно пространное заключеніе. Въ своемъ „введеніи“ Адріанъ хотѣлъ дать руководство къ пониманію Библии, и именно Ветхаго Завета; поэтому его трудъ — герменевтическаго характера. По воззрѣнію автора, для пониманія Библии необходимо разумѣніе особенностей того языка, на которомъ свящ. книги были написаны, т. е. языка еврейскаго. И „введеніе“ Адріана представляетъ собою уясненіе этихъ особенностей. Слѣдуя древнимъ составителямъ риторикъ, Адріанъ различаетъ въ библейскомъ языкѣ идиотизмы трехъ родовъ. „Особенностей еврейскаго языка“, разсуждаетъ онъ въ началѣ своего руководства, — „три вида: изъ нихъ одинъ касается мысли, другой — употребленія (отдѣльных) словъ и третій — сочетанія“ (словъ). Къ разъясненію этихъ риторическихъ фигуръ и сводится весь трудъ Адріана. Первая часть его обнимаетъ фигуры мысли (*σχήματα διανοίας*), вторая — фигуры слова (*σχήματα λέξεως*) и третья — фигуры сочетанія (*σχήματα συνθέσεως*). Разъясненія Адріана состоятъ въ томъ, что по каждому пункту онъ приводитъ множество примѣровъ. Въ предисловіи къ первой части Адріанъ опредѣляетъ, что разумѣетъ онъ подъ *σχήματα διανοίας*, фигурами мысли. *Σχήματα διανοίας*, говоритъ онъ, „заключаются въ томъ, что дѣйствія Божіи, направляемыя къ добру или злу, описываются подъ образами, заимствованными отъ вещей, присущихъ намъ: я разумѣю выраженія, заимствованныя или отъ членовъ, или отъ чувствъ, или отъ душевныхъ движеній (или движеній тѣлесныхъ, или отъ страстей душевныхъ) или отъ страстей тѣлесныхъ, или отъ располо-

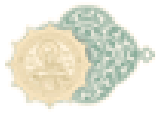

женій, или отъ обычныхъ мнѣній, или отъ (человѣческихъ) достоинствъ (ἀπὸ ἀξιωμάτων), или отъ занятій, или отъ мѣстъ, отъ одеждъ, отъ обычаевъ, отъ наружнаго вида или отъ всего вообще живущаго“. Давъ такое опредѣленіе *συχύματα διαβολας*, Адрианъ переходитъ къ разъясненію ихъ. Все это разъясненіе заключается въ томъ, что Адрианъ приводитъ изъ Свящ. Писанія нѣсколько мѣстъ, гдѣ тотъ или иной образъ встрѣчается. „Отъ членовъ“, разсуждаетъ Адрианъ, заимствованы такія выраженія, какъ „очи Его испытуютъ сыновъ человѣческихъ“ (Ис. 10, 4); очи Господа на праведныхъ (Ис. 33, 16); „уста Господа сказали это (Ис. 1, 30); благъ мнѣ законъ устъ Твоихъ (Ис. 118, 72); „изъ устъ Моихъ изойдетъ правда“ (Ис. 45, 23); Лице Господа на творящихъ злое“ (Ис. 33, 17)... О правой рукѣ, какъ о наиболѣе почетной, Свящ. Писаніе говоритъ въ хорошемъ смыслѣ, напр.: „десница Господа совершила побѣду (Ис. 117, 16)“... Отъ чувствъ заимствованы выраженія: „Богъ воззрѣлъ съ неба и увидѣлъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ“ (Ис. 32, 13); „гласомъ моимъ къ Господу воззвалъ, и услышалъ меня“ (Ис. 3, 5); „Господь обонялъ воню благоуханія (Быт. 8, 21); „прости руку Твою и коснись костей его (Іов. 2, 5)“ и пр. Подобнымъ же образомъ Адрианъ поясняетъ библейскими изреченіями и другія намѣченные имъ фигуры смысла.

Отмѣтивъ встрѣчающіеся въ Библии антропоморфизмы, Адрианъ считаетъ нужнымъ далѣе раскрыть ихъ нѣсколько подробнѣе и указать специальное употребленіе нѣкоторыхъ образовъ. „То, что отъ вѣдѣнія Божія ничто не сокрыто, Свящ. Писаніе“, продолжаетъ онъ,—„выражаетъ, приписывая Богу очи, вѣжди, видѣніе—или ко благу, напр. (въ словахъ) „очи Господни на праведныхъ“, или ко злу, какъ въ словахъ: „очи Его на язычниковъ“ (Ис. 65, 7). Готовность Божию оказывать милость Свящ. Писаніе называетъ „ушами“ и „слухомъ“, желаніе Бога возвѣщать свои совѣты—„языкомъ“ и „устами“, потому что мы передаемъ мысли посредствомъ

устъ и слова... Способность божественной дѣятельности все доводить до цѣли—ко благу и къ злу—Писаніе называетъ руками, какъ и у насъ все необходимое совершается дѣятельностью рукъ. Но о правой рукѣ Свящ. Писаніе говоритъ только въ томъ случаѣ, когда идетъ рѣчь о милостивыхъ отношеніяхъ, такъ-какъ этому члену принадлежитъ преимущество... Готовность Бога подать помощь требующимъ ее Писаніе называетъ „ногами“ и „хожденіемъ“, напр.: „Онъ преклонилъ небеса и сошелъ“ (Пс. 17, 10); „Адамъ слышалъ голосъ Бога, ходящаго въ раю“ (Быт. 3, 8). Намѣреніе Божіе помочь своимъ (вѣрующимъ въ Него) и наказать враговъ Писаніе называетъ „возстаніемъ Бога и пробужденіемъ“, какъ напр.: „возстани, Боже, помози намъ“ (Пс. 43, 27)... То, что отъ правосудія божественнаго никто не можетъ убѣжать, Писаніе называетъ изслѣдованіемъ, исканіемъ; напр.: „и будетъ въ тотъ день, и обыщу Іерусалимъ со свѣтильникомъ“ (Соф. 1, 12)... Могущество и правосудіе Божіе Писаніе называетъ „сидѣніемъ и трономъ“, потому что у насъ имѣющіе власть судить и наказывать во время производства разслѣдованія, возсѣдаютъ на тронѣ. Напр.: „сѣлъ на тронѣ Судящій правду“ (Пс. 9, 5); „Богъ возсѣдаетъ на престолѣ святомъ Его (Пс. 45, 9) и пр. Свое объясненіе фигуръ мысли Адріанъ заканчиваетъ замѣчаніемъ: „все это мы представили настолько, насколько можно философствовать о Богѣ, не будучи въ состояніи мыслить или сказать болѣе“.

Переходя къ *σχήματα λέξεως*, къ особенностямъ въ употребленіи словъ, Адріанъ не даетъ никакихъ пояснительныхъ замѣчаній относительно того, что собственно онъ разумѣетъ подъ этими особенностями. Поэтому второй отдѣлъ введенія Адріана является не вполне понятнымъ. Приемы автора, впрочемъ, и въ этой части таковы же, какъ и въ первой: каждое свое положеніе онъ подтверждаетъ многочисленными примѣрами изъ библейскаго текста. „Писаніе“,

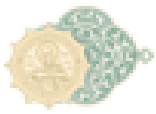
читаемъ мы во второй части „введенія“, „говорить *спать*“ (*κοιμᾶσθαι*) вмѣсто нашего *успокоиться* (*καταπαύεσθαι*), какъ напр.: если будете спать посрединѣ вашихъ предѣловъ (Пс. 67, 14) или: „въ мирѣ усну и почию“ (Пс. 4, 9)... Словомъ *лоно* (*κόλπος*) часто обозначается (въ Писаніи) нѣчто неотдѣлимое; напр., „воздай сосѣдямъ нашимъ седмицею въ лоно ихъ“ (Пс. 78, 12) вмѣсто—„воздай наказаніе Твое такъ, чтобы они не могли избѣжать его... *Омыть руки* (на языкѣ Писанія) означаетъ не принимать участія въ какомъ-либо дѣлѣ, такъ-какъ омовеніе въ этомъ случаѣ было заповѣдано древнимъ; напр., „среди невинныхъ умою руки Мои (Пс. 25, 6)... *Чаша* часто означаетъ наказаніе... Радость и жизнь Писаніе часто называетъ *свѣтомъ*, печаль и смерть—*тьмою*: это происходитъ отъ того, что живущіе благодушно имѣютъ нѣкоторымъ образомъ болѣе ясный взглядъ на вещи, между тѣмъ какъ тѣ, которые находятся въ состояніи печали, не могутъ иногда видѣть даже лежащаго предъ ихъ ногами; и вообще, живымъ свойственно видѣть свѣтъ, тогда какъ умершіе пребываютъ въ вѣчной тѣмѣ“. Въ оправданіе такого пониманія Адріанъ приводитъ восемь примѣровъ изъ Библии (Пс. 96, 11. 17, 29.; Ис. 30, 26; 60, 1.; Мих. 7, 8.; Пс. 138, 11; 54, 6; 87, 7). Подобнымъ же образомъ Адріанъ долго останавливается на уясненіи библейскаго употребленія словъ *плоть* (*σάρξ*), *духъ* (*πνεῦμα*) и *вѣкъ* (*αἰών*). „Многократно“, говоритъ онъ, „Писаніе употребляетъ слово *плоть* для обозначенія естества (природы), какъ въ выраженіи: положили тѣла (*τὰς σάρκας*) преподобныхъ Твоихъ (въ снѣдъ) звѣрямъ земнымъ (Пс. 78, 2), или для обозначенія человѣческой испорченности, какъ напр.: не будетъ духъ Мой въ людяхъ этихъ, потому что они суть *плоть* (Быт. 6, 3); или для обозначенія нашей смертности... или въ смыслѣ обозначенія кровнаго родства“. „Словомъ *духъ* (*πνεῦμα*) Писаніе часто пользуется для обозначенія хотѣнія, благодатнаго дара, ангела, души, голоса или вѣтра... Слово *вѣкъ* (*αἰών*) употре-

бляется въ Писаніи въ троякомъ смыслѣ: оно означаетъ или возрастъ каждаго человѣка, или вообще періодъ времени, или продолжительность и вѣчность“. Для подтвержденія указываемыхъ значеній словъ плоть, духъ и вѣкъ Адріанъ приводитъ болѣе пятидесяти библейскихъ мѣстъ, при чемъ преимущественно ссылается на псалмы и на пророческія книги.

Разсмотрѣвъ особенности въ библейскомъ употребленіи нѣкоторыхъ словъ, авторъ введенія переходитъ затѣмъ въ третью часть своего труда,—къ изложенію встрѣчающихся въ Библии фигуральныхъ выраженій (σχήματα συνθέσεως). Онъ указываетъ библейскіе примѣры эллипсиса, тавтологіи, антистрофы (αντιστροφή), гипербаты (ὑπερβατοί) и гипертезы (ὑπερθέσεις). Далѣе отмѣчаются случаи особеннаго употребленія нѣкоторыхъ нарѣчій, предлоговъ и союзовъ, (именно— *вотъ* (ἰδοὺ), *кромя* (πλὴν), и (γὰρ), *ибо* (ὅτι), *съ* (σύν) и *въ* (ἐν). Конецъ третьей части сочиненія составляетъ довольно пространный трактатъ о наиболѣе употребительныхъ въ Библии тропахъ. Адріанъ находитъ въ Библии 22 рода переносныхъ выраженій. Они суть слѣдующіе: метафора, притча, синкрисисъ, синекдоха, гиподигма, метонимія, антифразисъ, перифразъ, анакефалеосисъ или эпаналепсисъ, апокрисисъ, прозопопея, схематизмъ, аллегорія, гипербола, эпитотазмъ, иронія, сарказмъ, энигма, анили, апофасисъ, апосіопсисъ и паренесисъ. Авторъ „введенія“ опредѣляетъ сущность каждаго изъ перечисленныхъ троповъ и затѣмъ, по обычаю, приводитъ изъ Библии нѣсколько примѣровъ для поясненія своей мысли.

Въ заключительной части сочиненія Адріанъ кратко излагаетъ принципиальныя воззрѣнія на истолкованіе Свящ. Писанія и нѣкоторыя основныя правила экзегесиса. „Существуетъ“, говоритъ онъ, „два вида священныхъ писаній,—именно пророчество и исторія. Каждый изъ этихъ видовъ относится къ прошедшему, настоящему и будущему времени. Прошедшимъ временемъ занимаются, напр., книги Моисея о

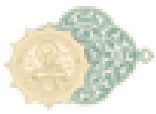
твореніи вселенной, настоящимъ — записи блаженнѣйшаго Елисея о Гіезіи, о данномъ ему золотѣ; будущимъ — предсказанія пророковъ относительно евреевъ и явленія Христа, — предсказанія, полученные нами въ формѣ рѣчей, видѣній и символическихъ дѣйствій. Предсказанія въ формѣ рѣчей мы видимъ въ словахъ: вотъ придутъ дни, говоритъ Господь, когда Я заключу съ домомъ Израиля и съ домомъ Іуды новый заветъ (Іер. 38, 31); пророчество въ формѣ видѣнія содержится въ словахъ: и была на мнѣ рука Господня (Іез. 3, 22), и еще: мертвые воскреснутъ (прежде) (1 Сол. 4, 16), и увидѣлъ я, и вотъ шель на облакахъ какъ-бы Сынъ Человѣческій (Дан. 7, 13). Пророчество въ дѣйствіи мы видимъ въ разсказѣ объ Авраамѣ: принеси мнѣ трехлѣтнюю телицу и трехлѣтняго козла, трехлѣтняго овна, горлицу и голубя (Быт. 15, 9) и еще: возьми сына твоего возлюбленнаго, котораго ты любишь, Исаака (Быт. 22, 2)“.

„Поэтому ученики прежде всего должны понять ходъ мыслей въ отдѣльныхъ мѣстахъ и потомъ передавать ихъ въ дословномъ и точномъ переводѣ. Какъ можетъ быть ошибоченъ переводъ, если не предшествуетъ ему пониманіе! Ибо, какъ кормчіе кораблей, если не лежитъ предъ ними опредѣленная цѣль, къ достиженію которой они могли бы направить свое кормило, принуждены безразлично уступать свое искусство всякому вѣтру, носятся по всему морю, прибѣгая къ блужданію вмѣсто гавани, — такъ по необходимости будетъ и съ экзегесисомъ, если ему не предшествуетъ предварительное пониманіе дѣла. Если рѣшительно невозможно, чтобы эпическія произведенія, которыя имѣютъ содержаніемъ только свободныя измышленія, а не дѣйствительные факты, знатоки объясняли иначе, какъ давъ предварительно понятіе о предметахъ, трактуемыхъ въ стихотвореніи, дабы ученики находили слова, соотвѣтствующія предметамъ, и не говорили на вѣтеръ, — то не было ли бы нелѣпнымъ, если бы мы описанное въ нашихъ божественныхъ книгахъ подвергали без-

содержательнымъ и неосновательнымъ предположеніямъ и не считали-бы стыдомъ представить для этихъ фактовъ объясненія, которыя основываются на однихъ предположеніяхъ и которымъ не достаетъ согласія съ контекстомъ“.

„Если кто-либо посылается къ какою-нибудь совершенно неизвѣстную ему страну, то (должно сначала ясно назвать ее). Еще важнѣе для него назвать людей, которые ее уже знаютъ. Но болѣе всего необходимо указать посылаемому путь, ведущій туда, а также обозначить знаки на всемъ протяженіи его, слѣдуя которымъ онъ никогда не можетъ сбиться съ прямого пути. Такъ и съ тѣмъ, кто хочетъ учить; онъ долженъ имѣть въ виду слѣдующія задачи: прежде всего ученикамъ нужно представить предметное содержаніе (τῶν πραγμάτων πλὴρες), для чего необходимо учителю высказать рѣшительно свое пониманіе. Потомъ нужно изложить ученикамъ ученіе о различныхъ особенностяхъ Писанія и привить имъ навыкъ отличать отдѣльныя фигуры рѣчи и тропы другъ отъ друга. А буквальный переводъ по смыслу долженъ имѣть не меньшее значеніе, чѣмъ путевые знаки, посредствомъ которыхъ дается возможность безопасно и надежно дойти до цѣли“.

„Очевидно, конечно, что тѣмъ, которые хотятъ бѣжать, а не идти (медленно) шагъ за шагомъ, указаніе на эти знаки излишне и бесполезно. Во всякомъ случаѣ, должно всегда твердо держаться контекста рѣчи (καθόλου τῆς ἀπολουθίας): кто при помощи точнаго перевода держится за смыслъ, какъ за нить, проходящую чрезъ весь текстъ, тотъ не погрѣшитъ. Поистинѣ, буквальный смыслъ (ῥητῶν διάνοια) можно сравнить съ тѣломъ, а созерцаніе (θεωρία) есть какъ-бы очертаніе (σχημα) тѣла. Последнее можно указать и издали, а тѣло можно точнѣе опредѣлить (только) по членамъ и составамъ, не фантазируя уже дальше тѣла“.

Введение заканчивается отрывочнымъ замѣчаніемъ о томъ, что въ пророческой письменности однѣ книги составлены прозаическою рѣчью (кн. Исаи, Іереміи), а другія написаны по опредѣленному размѣру и предназначены для пѣнія,—каковы псалмы Давида.

Таково въ главныхъ чертахъ содержаніе перваго опыта „Введенія въ Свящ. Писаніе“. Какъ видно, это „Введение“ существенно отличается отъ тѣхъ руководствъ по наукѣ, которыя появляются во множествѣ въ послѣднее время. Чисто исагогическаго матеріала въ трудѣ Адріана почти нѣтъ, и собственно говоря, это трудъ скорѣе относится къ области риторики, чѣмъ къ Свящ. Писанію, хотя самъ авторъ имѣлъ въ виду дать въ немъ именно руководство къ чтенію Библіи. Разсматривая сочиненіе Адріана, какъ трудъ по риторикѣ, мы видимъ въ немъ нѣкоторыя особенности. Того раздѣленія матеріала, которое принято у Адріана, и объединенія троповъ и фигуръ въ одну категорію—въ другихъ древнихъ риторикахъ мы не встрѣчаемъ. Въ греческихъ и римскихъ руководствахъ по риторикѣ обыкновенно фигуры раздѣляются на два разряда: *σχήματα διανοίας* и *σχήματα λέξεως* или *λόγου*. Только у Фортунаціана допускается трехчастное дѣленіе фигуръ на *σχήματα λέξεως*, *λόγου* и *διανοίας*, причемъ *σχήματα λέξεως* причисляются къ фигурамъ грамматическимъ, а *σχήματα λόγου*, какъ и у Діонисія Галикарнасскаго, къ фигурамъ риторическимъ. Но, очевидно, дѣленіе Адріана отлично отъ дѣленія Фортунаціана, тѣмъ болѣе, что послѣдній не допускаетъ объединенія троповъ и фигуръ, существующаго у Адріана. Это объединеніе мы видимъ у Корнифіція и Фронтинна, но за то у нихъ иное раздѣленіе фигуръ. Равнымъ образомъ, и въ ученіи о тропяхъ Адріанъ отступаетъ отъ обычныхъ въ его время понятій: троповъ *ὁμοειγμία*, *ἀνακεφαλαίωσις*, *ἐπιπαρασμός* въ риторикахъ древняго времени не встрѣчается, и вообще количество троповъ у Адріана большее, чѣмъ у какого либо другого писателя. Такимъ обра-

зомъ, Адріанъ въ своемъ распредѣленіи библейскаго матеріала является самостоятельнымъ, или лучше сказать, эклектикомъ, потому что, не слѣдуя одному какому-либо образцу, онъ заимствуетъ изъ многихъ. Впрочемъ, распредѣленіе матеріала, принятое у Адріана, не можетъ быть названо строго логическимъ и отчетливымъ: смѣшеніе фигуръ и троповъ, различіе *σχήματα διανοίας* и *σχήματα λέξεως*, сущность нѣкоторыхъ метафоръ—все это въ разсматриваемомъ сочиненіи, какъ можно видѣть и изъ приведенныхъ примѣровъ, недостаточно выяснено и мотивировано.

Что касается „Введенія“ Адріана, какъ руководства къ чтенію Библии, то съ этой стороны о немъ можно сказать слѣдующее. Безспорно, авторъ „Введенія“ обладалъ большимъ знаніемъ Свящ. Писанія. Каждое свое положеніе онъ подтверждаетъ многочисленными библейскими примѣрами и съ замѣчательною легкостью цитуетъ различныя книги Свящ. Писанія. Принятый Адріаномъ планъ не далъ возможности объять въ сочиненіи весь библейскій матеріалъ, и потому „Введеніе“ его не можетъ служить достаточнымъ руководствомъ къ чтенію *всей* Библии. Однако, несомнѣнно, многія замѣчанія Адріана, и при своей отрывочности, весьма полезны для читателя, не имѣющаго возможности и времени углубляться въ смыслъ Писанія, ищущаго въ Библии только назиданія. Но особенно важно то, что основная точка зрѣнія на толкованіе Писанія, выраженная въ концѣ Введенія и проходящая чрезъ все сочиненіе, совершенно правильная и плодотворная.

По направленію своей экзегетики Адріанъ принадлежалъ, несомнѣнно, къ школѣ Антиохійской, представителями которой были св. Іоаннъ Златоустъ, Теодоръ Мопсуестскій и блж. Теодоритъ. Какъ и эти послѣдніе, Адріанъ прежде всего,

какъ мы видѣли, обращаетъ вниманіе на прямой, буквальный смыслъ Писанія и хочетъ дать руководство къ его отысканію. Слова съ ихъ прямымъ смысломъ суть, по мнѣнію Адріана, знаки, которыхъ необходимо держаться, чтобы не сбиться съ пути. Буквальный смыслъ Писанія Адріанъ сравниваетъ съ тѣломъ, а „созерцаніе“ (θεωρία) онъ считаетъ только очертаніемъ тѣла. Тогда какъ александрійцы аллегорическій методъ толкованія прилагали ко всему Писанію, по мнѣнію Адріана, аллегорія есть только одинъ изъ троповъ, встрѣчающійся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Библии. Повидимому, Адріанъ даже полемизируетъ съ аллегористами, когда говоритъ о безполезности своихъ указаній для тѣхъ, которые при чтеніи Свящ. Писанія „хотятъ летѣть, а не идти шагъ за шагомъ“. Если сопоставить „введеніе“ Адріана съ экзегетическими трудами учителей Антиохійской школы, то можно замѣтить особенную близость „введенія“ къ толкованіямъ Θεодора Моисуестскаго. Сходно съ Θεодоромъ Моисуестскимъ Адріанъ изъясняетъ употребленіе союза ὅς и слова πνεῦμα; повторяетъ мысли Θεодора объ употребленіи въ еврейскомъ языкѣ временъ, о пророчествѣ, а также и нѣкоторыя обычныя у Θεодора выраженія (ἐκ μεταφορᾶς, ὑπερβολικῶς λέγειν). Многія строки „введенія“ напоминаютъ также и труды бл. Θεодорита: таково объясненіе словъ ποτῆριον, αἶψα, и возвращеніе на седмичное число. За близость „введенія“ Адріана къ экзегетикѣ антиохійской говоритъ, наконецъ, и то обстоятельство, что библейскій текстъ цитруется у Адріана весьма часто по рецензії Лукіановской,—рецензії, которая была принята именно въ Антиохіи.

Но, слѣдуя экзегетическимъ принципамъ школы Антиохійской, Адріанъ, при этомъ, совершенно чуждъ тѣхъ крайностей, которыя допускали нѣкоторые представители названной школы: по духу своему онъ принадлежитъ къ лучшимъ

антиохійцамъ. Указанными качествами перваго опыта „введенія въ Свящ. Писаніе“ объясняются и тѣ одобрительные отзывы о немъ, какіе дѣлались въ древности, и то вниманіе къ нему, которое обнаруживаютъ нѣкоторые изъ новыхъ экзегетовъ.

Вл. Рыбинскій.

Съ благословенія Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Теофноста, митрополита Кіевскаго и Галицкаго, Кіевская духовная Академія 14 и 15 декабря сего года совершила молитвенное поминаеніе въ Бозѣ почивающаго преосвященнаго Иннокентія (Борисова), архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, своего бывшаго студента, профессора и ректора, по случаю исполнившагося 15 декабря столѣтія со дня рожденія его.

14 декабря, вечеромъ, въ 6 ч. въ большой церкви Кіево-Братскаго монастыря было совершено заупокойное всенощное бдѣніе (парастасъ). На другой день, 15 декабря въ 9 ч. у. была отслужена заупокойная литургія, которую совершилъ преосв. Димитрій, епископъ Чигиринскій, ректоръ Кіевской духовной Академіи, въ сослуженіи инспектора Академіи, архимандрита Платона, профессора протоіерея Іоанна Королькова, доцента священника Θεодора Титова и студентовъ Академіи, имѣющихъ священное званіе, при пѣніи академическаго хора.

По окончаніи литургіи, была отслужена панихида по архіепископѣ Иннокентіи, предъ началомъ которой профессоръ Академіи В. Θ. Пѣвницкій произнесъ слово въ память почившаго Архипастыря.

При богослуженіи 14 и 15 декабря присутствовали всѣ наставники и студенты Академіи.

II

15 декабря въ Академіи, по случаю поминовенія приснопамятнаго ея питомца, профессора и ректора, занятій не было.

Въ этотъ день Кіевская Духовная Академія пережила, молитвеннымъ воспоминаніемъ, знаменательный моментъ въ своей жизни. „Иннокентіевскій“ день напомнилъ всѣмъ нынѣшнимъ членамъ Академіи если и не о древнихъ, то во всякомъ случаѣ о давнихъ дняхъ ея обновленія въ началѣ XIX столѣтія (время ученія преосв. Иннокентія въ Кіевской духовной Академіи) и славной „иннокентіевской“ эпохи ея существованія (30-е годы того же столѣтія).

Кіевская духовная Академія увѣрена, что и всѣ бывшіе ея ученики, разсѣянные по разнымъ концамъ Россіи, соединять свою сыновнюю молитву съ горячею молитвою своей духовной матери, да будетъ блаженный покой и вѣчная память въ царствѣ небесномъ почившему Архипастырю.
